

если это построение осуществлено вне Бога, то и оно с превеликим шумом рассыпается в прах.

В культуре христианства, положившей начало европейской культуре, человек есть наивысшая ценность перед лицом Бога, и поэтому не пресловутое «бытие», а именно человек — со-творец своего личного и общественного бытия. Человек, уповая на свою горделивую самодостаточность, стремится творить вне Бога. Но творческая способность человека, сердечно (а не рассудочно!) верующего в бытие Бога, возрастает многократно. Сегодня, благодаря со-творчеству и может быть преодолена всеобъемлющая «атомизация» русского общества, отвернувшегося от Бога.

Историю жизни, развития экономики, политики и других сфер жизни следует рассматривать с позиции сопряженности людей, государства, нации с Богом, с позиций приближения или же отдаления от Него. «Встреча с Богом — кульминационный момент в жизни человека и нации. Именно в этот момент достигается духовный подъем и расцвет творческих сил. Приближение к Богу дает личности и нации колоссальный импульс энергии, пробуждает творческий динамизм и, наоборот, удаление от Бога ведет к духовному кризису и упадку, духовной и генетической деградации», — свидетельствует сегодня известный православный священнослужитель [3].

Следует четко осознать, что кризису экономическому, политическому и даже нравственному всегда предшествует кризис духовный. А решение духовных проблем для славянской души всегда являлось задачей первостепенной.

Список источников

1. Паисий, Святогорец. С болью и любовью о современном человеке. Слова I. / Святогорец Паисий. – М.: Орфограф, 2017. – 432 с.
2. Ленин, В. И. Доклад на II Всероссийском съезде политпросветов от 17 октября 1921 г. / Полное собрание сочинений, 5 изд. – М.: ИПЛ, 1970. – Том 44. – 726 с.
3. Патриарх Кирилл. Проповеди. [Электронный ресурс] URL: http://pravera.ru/index/propovedi_slovo_vystuplenija_kirilla_patriarkha_moskovskogo_i_vseja_rusi_2011_god/0-219 (Дата обращения: 04.11.2020).

И.Н. Тяпин, профессор
i.n.tyapin@mail.ru
ВоГУ (Вологда, РФ)

**И.Н. Тяпин. ЭКСПЕРТНО-СТРАТЕГИЧЕСКАЯ МИССИЯ
ФИЛОСОФИИ В ЭПОХУ «ЦИФРОВИЗАЦИИ»**

Основными тенденциями эволюции техногенной цивилизации в XXI в. можно считать формирование техносферы (важнейшим компонентом которой является информационная сфера), а также тотальная **технизация** человеческого сознания и общественных отношений. До эпохи постмодерна технизация в целом была благом для сознания, ведя к его логическому, упорядочивающему усложнению, но далее ее одностороннее продолжение способствовало деградации мышления и ценностей человека, а также кризису различных сторон культуры, породив идеал «звероавтомата» (понятие *А.Г. Дугина*) как основного элемента постдемократического общества.

Смена идеологий в современную эпоху «выпячивает» рациональность, которая оказывается во многом фиктивной, сводясь к утилитаристским либо формально-бессодержательным понятиям. Усилившаяся зависимость явлений от их именованной приводит к «подавлению» реальности; при этом виртуализированное бытие представляет собой сферу своеобразно структурированных понятий, концепций, идеалов. По словам *Г.А. Логинова*, «современное "окультурно-научное" гностическо-прогрессистское либерально-обывательское мировоззрение является формой расплывчатой деградации материалистического рационализма в сочетании с не критичным поверхностно-ситуативным принятием общих принципов постмодерна ("монистический плюрализм": "всё субъективно")» [1].

Для описания методологии искажения логики и образа реальности значительный потенциал имеет недооцененное (пока!) понятие «**псевдорациональность**», введенное в оборот *К. Касториadisом* (который утверждал, что современный мир, являющийся жертвой «систематического бреда», пытается довести рационализацию до своего предела («фетишизм эффективности»), в результате чего возникает парадоксальный результат: жизнь современного мира обнаруживает крайне высокую степень подчиненности воображаемому, не имеющую себе равных ни в одной прежней культуре [2]) и используемое ныне при освещении темы рекламных манипуляций, формирования ложных, практически бессмысленных материальных потребностей, шире – ограниченной рациональности субъектов экономической деятельности. В постсоветской русскоязычной мысли проблемой псевдорациональности (далее – П.) занимались *В.С. Швырёв* (П. – отчуждение идеальных конструкций от «полноты реального существования», с одной стороны, и чрезмерное приближение этих же конструкций к действительности, ведущее к конформистскому переживанию последней, с другой), *В.Н. Порус* (П. – подгонка действительности под ее рациональные реконструкции либо подгонка реконструкций под прагматическое восприятие действительности, а также проявление морального релятивизма, для которого характерно провозглашение свобод мыслительных практик), *Р.А. Шакир* (П. – не образующая новых ценностных ориентаций мотивационная установка, которая выражает состояние «внутреннего разрыва», образующегося между

субъективными идеалами и актуальными аспектами повседневной жизни человека), Ю.Л. Кролевец (П. – «узкоспециализированные, неотрефлексированные, малоосмысленные действия, процедурное достижение формальных стандартов»; она связана с фиксированными формами социации («оптимумы поведения», «функциональная прирученность», «шаблонность и подконтрольность», поддерживающими постулаты «экономического успеха», «рыночного человека», «индустриальной педагогики»)), С.Г. Кара-Мурза (П. – широкий набор методологических причин и показателей искаженной рациональности в практике социальной жизни и управления, включающий в себя гипостазирование, некогерентность суждений, декларативность лозунгов, аутистичность мышления (уход от реальных социальных проблем и противоречий), утрату способности к интегрированным оценкам, уход от решения фундаментальных вопросов в пользу чисто технических и др.). Сходными понятиями «упрощенной», «технократическо-экономической» рациональности оперируют Дж. Ритцер, В.А. Лекторский, А.Д. Чернявский.

Псевдорациональность существует в многообразных проявлениях лженаучных, постфилософских и постидеологических доктрин (трансгуманизм, гендерология, глобализм, квир-феминизм и др.), легко трансформирующихся друг в друга в силу тождественности методологических принципов: отказа от объективности рассмотрения, инкорпорирования в общественное сознание неомифов, псевдологичности, антиномичности постулатов, навязывания ложных дилемм, произвольного искажения понятий, приоритета языковой «формы» над описываемым содержанием с целью фальсификации последнего.

Популяризация понятия «**постфилософия**» связана с именем Р. Рорти, полностью отвергшего корреспондентную теорию истины («ничто в природе познавательной деятельности не «налагает на суждение истинность») и провозгласившего рудиментарность таких понятий, как «философские основания», «рационализм», «релятивизм», «моральный закон» («способ, каким вещи сказываются и используются, более важен, чем обладание истиной»). Соответственно, на наш взгляд, разница между подлинным философом и пост(лже)философом-манипулятором состоит в следующем. Если философ по крайней мере стремится к вычленению еще не определенных в языке явлений, описывает и осмысливает их, превращает в понятия, то манипулятор целенаправленно занимается интерпретацией явления в нужном для себя ключе, преувеличивая, преуменьшая или вовсе игнорируя те или иные признаки, придавая явлению ярко выраженную эмоциональную окраску.

Понятие постфилософии прямо осмыслено А.Г. Дугиным (постфилософия – это состояние сознания постмодерна, когда то, что раньше считалось мышлением, изучением и пониманием мира, становится для носителей подобного сознания принципиально невозможным, ибо мир постмодерна – это принудительно навязываемый мир тотального безумия и

идиотизма: «Самое невероятное, нелепое и невозможное легко происходит в виртуальности, но только при том условии, что это будет полностью бессмысленным и бессодержательным» [3, с. 275]), косвенно – В.А. Кутырёвым (не пользуясь понятием «постфилософия», в ходе осмысления постмодернизма, он определяет суть деконструктивистского философствования в трактовке любых явлений как установку, принципом функционирования которой является не истина, а достижение поставленной цели). Кутырёв констатирует, что итогом постмодернистской трансформации философии стало то, что сегодня «...мелкие будто бы философы суетно воспроизводят и по мере силы своих, плененных текущей ситуацией путано безжизненных умов, подобно мотылькам, летящим на гибельный свет, плодят все новые и новые формы суицидной идеологии» [4, с. 16]. Проще говоря, постфилософия породила **постидеологию**, «суицидность» которой состоит в том, что она направлена не на мобилизацию, а на последовательное угасание человека, причем не только духовное, но и физическое (несмотря на бодицентризм общества потребления, культ телесности, ибо тело превращается в сому, плоть, объект для произвольной трансформации и стандартизации). Главными инструментами постидеологии становятся методы провоцирования нужной реакции со стороны людей, которые руководствуются разрозненными обрывками убеждений, субъективными слабостями и склонностями, сторонними влияниями.

Наряду с консьюмеризмом важнейшей линией постидеологии выступает **техногенный тренд**. Его значительный манипулятивный потенциал заключается как в самих технологиях (стимулирование начавшегося процесса трансформации человека в управляемое и всецело контролируемое технологическое существо – не(транс, пост...)человека, так и в оперировании их тематикой в качестве идеологом, ибо восторг по поводу т.н. NBICS-конвергенции, криптовалют и т.п. дает возможность: 1) отвлечь внимание человечества от глобальных проблем и противоречий, «забыть» о растущем технико-экономическом разрыве, экономической, политической и культурной экспансии супер-развитых стран, их эксплуатации природных и человеческих ресурсов Земли; 2) окончательно вытеснить из системы фундаментальных ценностей национально-культурную идентификацию, патриотизм, заботу о другом, метафизический поиск смысла жизни. Уже сейчас можно констатировать нарастание эффекта *техногенного аутизма*, т.е. постоянной подключенности человека к «цифровой платформе» через гаджеты, смещающей его восприятие: вместо самостоятельной оценки социальных событий он занят поиском ее интерпретации. Такая практика приводит к заикливанию внимания интернет-пользователя на зоопопуляционных потребностях (гендерное поведение, статусные роли).

Сегодняшний вариант постиндустриализма в виде «цифровой» доктрины направлен на обоснование амебизирующей трансформации-десубъективации человека, реального производства и национального государства, о чем предупреждают В.Ю. Катасонов (демонтаж

государственных институтов под благовидными предложениями), А.О. Русин (некорректность толкования понятия «цифровая экономика» в значении особого типа производства), Г.Г. Малинецкий («цифровое» делопроизводство, государственное управление, здравоохранение не имеют прямого отношения к экономике).

В ситуации постмодернистского кризиса западной философии, фактически отказавшейся сегодня от понимания собственного «дискурса», избегающей системного подхода, опирающейся на спекулятивные аргументы релятивистского толка, конструирующей образ псевдореальности, подменяя знание информацией, объективно возрастает значение классических философских подходов, среди которых особое место занимает русская философия XIX – начала XX в. Большинство специалистов по русской философии, внимательно и с уважением относящихся к ее наследию (М.А. Маслин, И.И. Евлампиев, В.В. Сербиненко и др.), по сути, видит главное значение русской мысли в разработке методологического подхода, основанного на принципах нестрогой систематизации, отказа от крайностей и содержательной полноты (онтолого-гносеолого-аксиологического синтеза). Хотя ее спецификой стали уход от сциентистского, наукообразного аналитического характера, гуманитарность, «образно-синтетическое» видение мира, более напоминающее литературное размышление над смысложизненными проблемами, интуитивизм, прорицательность, тем не менее это была в основном философия доказательная. Не терявшая связи с логикой, здравым смыслом и, в своей духовной работе по модернизации мировоззренческой системы, исправлявшая недомыслие (по выражению А.Ф. Замалева) западной философии. Мессианская, но редко утопическая (напротив, выработавшая принципы органического единства морали и права, личности и общества и т.д.). Не принявшая культурно и ментально «догму Гераклита о единстве Логоса (разума) и войны, догму, ставшую «мудростью» диалектики и «перводвигателем» Запада» [5, с. 66]. Убежденная в осуществимости полноты Истины, торжества Добра, возрождения Красоты. Несущая, наряду с познавательной, мировоззренческой, методологической и другими традиционными для философии функциями, еще и функцию художественно-эстетической оценки природного и социального бытия. Своеобразный отзвук эта методология полноты, взвешенности, апеллирования к высшим ценностям и идеальному в конце концов нашла и в советской философии «высокого» периода (к примеру, метафизические интуиции Г.П. Щедровицкого, А.А. Зиновьева, Э.В. Ильенкова или философский «спор с самим собой» А.Ф. Лосева, М.М. Бахтина). Даже в рамках марксистской парадигмы советская философия плодотворно развивалась в области онтологии, эстетики, теории познания, логики и методологии науки (пример – успешная деятельность в Минске В.С. Стёпина). Бесспорные успехи были достигнуты при рассмотрении проблем идеального, деятельности, образа жизни, системного подхода, систематизации всеобщих категорий. Реально советская философия

выступала примером синтеза классического и неклассического способов философствования; диалектический материализм соединился с философским сциентизмом и, одновременно, этическим абсолютизмом. Это была «философия жизни», но не столько индивида, сколько гармонично развитой «коллективной личности».

После 1991 г. философия на постсоветском пространстве, лишившись высокого статуса «царицы наук», пережила период столкновения нескольких парадигм (мистического идеализма, прагматизма, постмодернизма, техницизма и др.). Однако то обстоятельство, что в «эру пост/псевдофилософии» некоторые представители философского сообщества, не «искусившиеся дискурсом» или преодолевшие тотальность «игры в бисер», по-прежнему выбирают между истиной и ложью, а не между фантомами «старого» и «нового», «прогрессивного» и «реакционного», служит главным индикатором сохранения потенциала русскоязычной мысли. Последний состоит в осуществлении миссии критического анализа разнообразных, но взаимодополняющих суицидных доктрин и построения адекватных концепций будущего человека, общественного устройства, а также (в условиях, когда сфера этического ввергнута в состояние неопределенности) социальной этики. Творческий антропоконсерватизм как существующий подход в философской мысли (В.А. Кутырёв, А.А. Тарасов, В.М. Маслов) реализуем в единстве с социоконсерватизмом. Выполнение указанной миссии возможно в рамках **философской экспертизы**, распространение которой может ликвидировать разрыв между непониманием значительной частью современного общества роли и значения философии и ее объективно спасительной ролью. Философская экспертиза, развертываемая в ходе прямого соотнесения техногенного тренда с глобализацией, а гуманитарной оценки – с практическими действиями за социальную справедливость, превращает философское сообщество из инструмента обслуживания и пропаганды сомнительных установок в полноценного субъекта социального управления, делая философа эталоном гражданственности как нравственного долга и ответственности перед собственным национально-государственным сообществом и человечеством. Это возвратит в социально-гуманитарное познание и управление системный подход, позволит адекватно интерпретировать информационные и социальные процессы, предотвратит нивелирование нравственных установок, преодолеть социальную неустойчивость, обеспечить многополярность будущего мира.

Список источников

1. Логинов, Г.А. Элементы апологии христианства как персонализма и антигностицизма в контексте проблемы смерти // Credo New. 2018. № 3 (95) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://credo-new.ru/archives/1397> (дата обращения: 18.01.2020).

2. Касториадис, К. Воображаемое установление общества / пер с фр. Г. Волковой, С. Офертаса. М.: Гнозис: Логос, 2003. 480 с.
3. Дугин, А.Г. Постфилософия. Три парадигмы в истории мысли. М.: Евразийское движение, 2009. 744 с.
4. Кутырёв, В.А. Сова Минервы вылетает в сумерки (Избранные философские тексты XXI века). СПб.: Алетейя, 2018. 526 с.
5. Шулевский, Н.Б. Софиасофия – современное бытие спасения // Философия хозяйства. 2015. № 6. С. 63-78.

Н. В. Шарана, студент
natashkasharapa@gmail.com
А. А. Бажина, доцент
eneya@tut.by
БГЭУ(Минск)

Н. В. Шарана, А. А. Бажина. РЕСПУБЛИКА БЕЛАРУСЬ: ИССЛЕДОВАНИЕ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ

В современном мире любое государство ставит перед собой цель повышения качества жизни населения. Если население будет проживать в комфортных условиях, то государство может обеспечить устойчивое развитие обществу и отдельному индивиду.

Качество жизни – это комплексная характеристика положения человека в различных социальных системах, выражающая степень его социальной свободы, возможности его всестороннего развития, совокупность культурных и духовных ценностей [1, с. 8]. Человек стремится улучшить качество жизни путем получения образования, продвижения по карьерной лестнице и другое.

К показателям качества жизни относятся: доходы населения; качество питания и окружающей среды; уровень образования, здравоохранения, культуры, социальных услуг и безопасности; гендерное равенство и т.д [2].

Обобщающим показателем качества жизни является Индекс развития человеческого потенциала. ИРЧП — это интегральный показатель, рассчитываемый периодически для межстранового сравнения и измерения бедности, грамотности, образованности и долголетия как основных явлений, определяющих человеческий потенциал территории.

Беларусь по ИРЧП опережает все страны СНГ и занимает 50-е место среди 187 стран мира и входит в группу стран с высоким уровнем человеческого развития [3].

На сегодняшний день по некоторым показателям Республика Беларусь опережает многие страны СНГ, в последние десятилетия качество жизни населения улучшилось. Наблюдается увеличение темпов развития экономики страны и социальной сферы. Беларусь существенно продвинулась по пути